

№ 56.
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.
1915 г.

1 экз.
ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 К.
ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНТЯБРЬ

Дѣти-эльзасцы привѣтствуютъ французскихъ солдатъ.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей Россіи:
 на годъ . 4 р. — к.
 . 1/2 года 2 „ — .
 . 1 мѣс. — „ 30 .
 Перем. адреса 25 к.
 Неприятныя рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Такса объявлений:
 За строку нонпа
 рели въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 впер. текста . 30 к.
 позади . . 60 .
 Постоянные заказы по
 соглашенію.

№ 56—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. Сентябрь

СЪ ТЕЛЕФОНОМЪ.

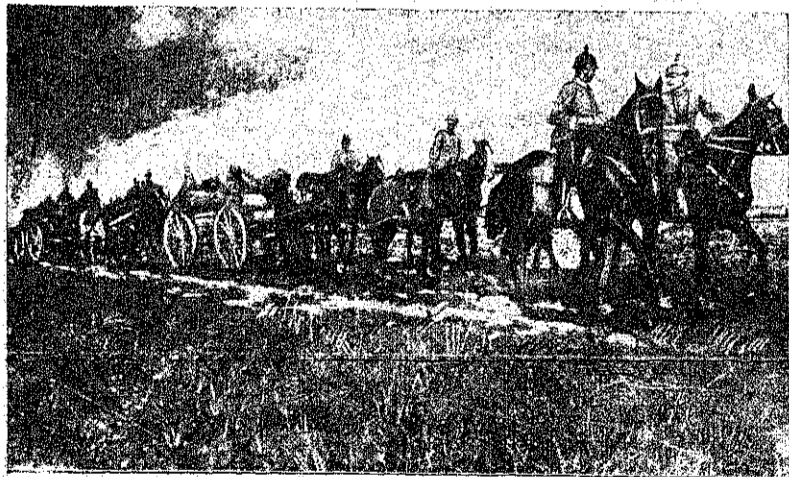
Разсказъ Льва Гумилевскаго.

I.

— Вы поняли, поручикъ?
 — Понялъ, господинъ полковникъ!
 — Во что бы то ни стало, поручикъ, слышите?
 Ананьевъ на одну секунду задумался, потомъ вы-
 соко поднялъ голову и твердо отвѣтилъ:
 — Будетъ исполнено, г. полковникъ!
 — Идите...
 Полковникъ обнялъ Ананьева и перекрестилъ его:
 — Съ Богомъ, не медлите. И помните, что чѣмъ
 дольше вы будете держаться, тѣмъ больше жизни спа-
 сете для Россіи!
 У Ананьева часто и гулко билось сердце, словно не
 хватало воздуха, чтобы наполнить его высоко подни-
 мающуюся, сильную грудь. Въ десять минутъ проска-
 калъ разстояніе до своей батареи, искусно замаски-
 рованной въ кустарникъ, стараясь пройти незамѣ-
 ченнымъ.

Чуть чуть свѣтало въ непривычной тишинѣ, слов-
 но отдыхалъ воздухъ отъ цѣлодневной канонады. И
 только легкій гулъ голосовъ надъ его батареей, ждав-
 шей приказа начать стрѣльбу, нарушалъ покойный
 сонъ ночи, на нѣсколько часовъ дававший отдыхъ око-
 ламъ, лежавшимъ впереди.

Отдалъ лошадей и тутъ же распорядился:

Германскій артиллерійскій обозъ.

— Будьте готовы... Пусть со мной идетъ теле-
 фонистъ.

Нужно было выбрать гдѣ-нибудь наблюдательный
 пунктъ, чтобы руководить батареей, охранявшей
 окопы.

Прощаясь съ солдатами, сказалъ:

— Мы прикрываемъ отходъ и надо держаться
 во чтобы то ни стало, а это зависитъ отъ насъ... Надо
 постараться, ребята!

Въ разсвѣтныхъ сумеркахъ были чуть-чуть видны
 суровыя, строгія, бородатыя лица.

— Слушаемъ, ваше благородіе...

Ананьевъ махнулъ рукой и пошелъ въ глубину
 рощи.

— Надо выбрать дерево повыше и поудобнѣе, бра-
 тецъ, — сказалъ онъ солдату.

Тотъ кивнулъ головой:

— Такъ что ужъ у насъ тутъ запримѣчено одно.

— Ну веди, гдѣ запримѣчено.

Отъ батареи оно было очень далеко, но явля-
 лось прекраснымъ пунктомъ, съ котораго были пре-
 красно видны нѣмецкія окопы, а лѣсъ могъ явиться
 отличнымъ защитникомъ телефонныхъ проводовъ, на
 случай возможныхъ атакъ.

— Что же, устроимся здѣсь...

Когда-то въ дѣтствѣ Ананьевъ прекрасно изучилъ
 искусство лазить по деревьямъ и теперь былъ очень
 благодаренъ своимъ деревенскимъ товарищамъ, кото-
 рые когда-то научили его подбираться къ самымъ вы-
 сокимъ гнѣздамъ воронъ, ястребовъ и коршуновъ. Воз-
 братья на дерево, устроиться съ телефономъ — все
 это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

— Ну, ступай, припрядь провода, на
 всякій случай...

Солдатъ ушелъ.

На самой вершинѣ высокаго дуба
 Ананьевъ постарался усѣсться удобно и
 прочно, защитивъ себя вѣтвями со всѣхъ
 сторонъ, оставивъ лишь спереди про-
 странство для наблюденій.

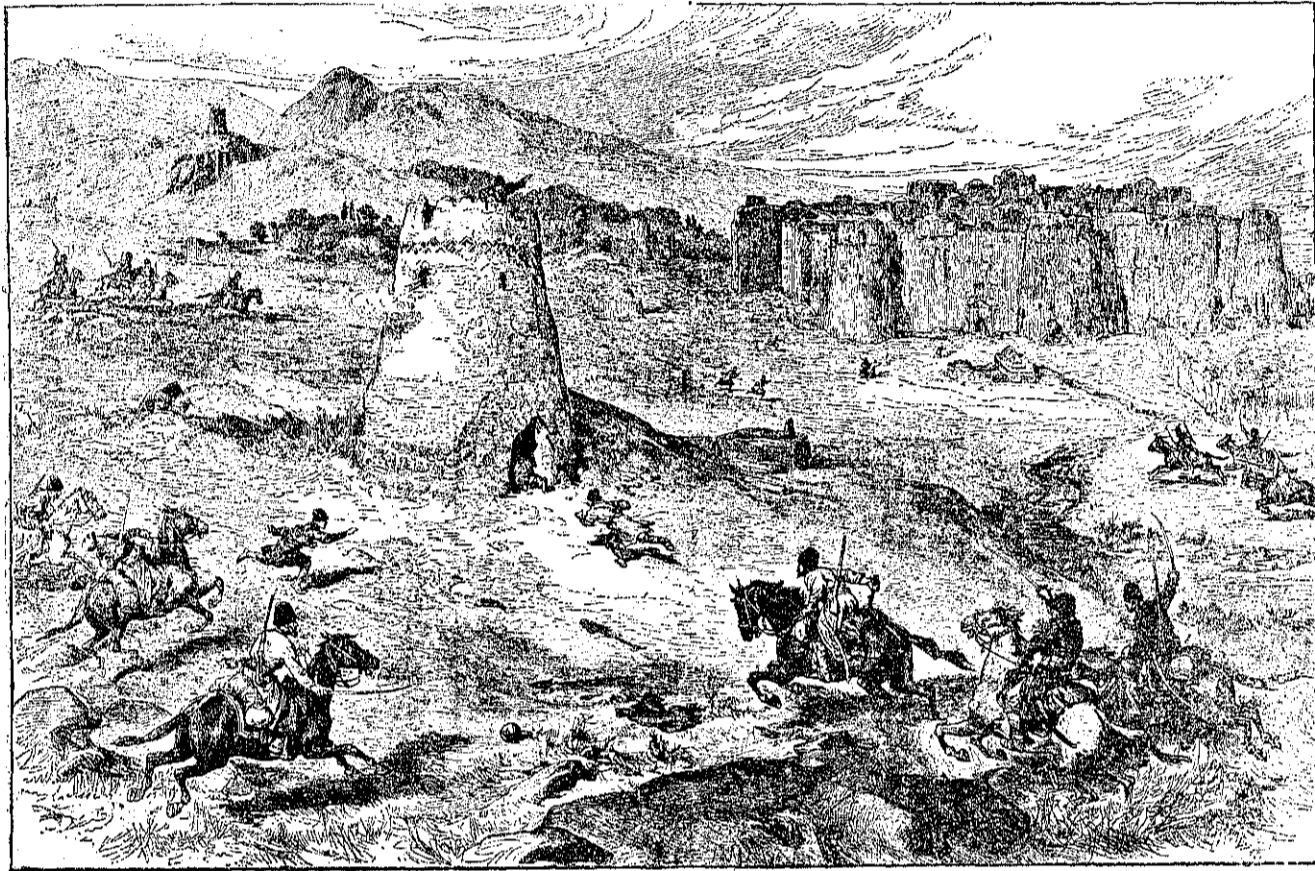
Было отчетливо видно начавшееся
 движеніе нѣмцевъ:

Въ атаку идутъ... Неужели.

Сообразивъ разстояніе. Взялъ трубу-
 ку. Распорядился.

Батарея видимо была давно готова,
 потому что черезъ минуту уже гремя-
 хнули выстрѣлы и взвихрили клубы огня,
 дыма и пыли на мѣстѣ разорвавшихся
 снарядовъ, почти въ самыхъ окопахъ.

— Молодцы, — подумалъ Ананьевъ.

Въ Персіи. Набѣгъ разбойниковъ.

Оживились окопы, почувствовавъ сзади себя надежный оплотъ артиллеріи, черезъ головы ихъ доставшей снарядами врага. Отвѣтили выстрѣлами на выстрѣлы врага.

И начался первый день ураганнаго огня.

Незамѣтно шли минуты, часы. Въ груди Ананьева было слишкомъ велико ощущеніе гордаго торжества, чтобъ замѣчать время. Стрѣльба его баттарей давала прекрасныя результаты и было ясно, что нѣмцы волнуются, то и дѣло мѣняя позиціи, отыскивая эту баттарею, этотъ наблюдательный пунктъ, дававшій такую вѣрную стрѣльбу.

— Они во что бы то ни стало займутъ этотъ лѣсъ...

Онъ угадывалъ почти настроеніе и мысли врага. Рота солдатъ осторожно поднялась изъ окоповъ и пошла въ обходъ, именно къ этому углу лѣса, гдѣ былъ Ананьевъ, не защищенному русскими окопами.

Опять заработалъ телефонъ. Упали снаряды передъ обжавшими солдатами, старавшимися однимъ быстрымъ натискомъ захватить этотъ лѣсъ, чтобы опять наблюдение.

— Охота за мной,—подумалъ Ананьевъ.

Солдаты уже яростно, теряя массу убитыхъ, бѣжали къ лѣсу: теперь было ясно, откуда наблюдаютъ за ними.

Ананьевъ усѣлся поудобнѣе на деревѣ:

— Не найдутъ...

Черезъ часъ нѣмцы заняли этотъ кусокъ лѣса. Разсмыслись по нему. Нѣсколько солдатъ прошли мимо

Ананьева. Онъ вздрогнулъ, вынулъ револьверъ:

— Дешево меня, положимъ, не взять...

— Но солдаты прошли и можно было опять отдать приказаніе.

— Высижу... Можетъ быть ночью удастся уйти...

Начинало болѣть все тѣло отъ сидѣнія. Хотѣлось пить.

Ананьевъ устроился на другомъ сучкѣ. Размялся—стало на нѣсколько времени легче, но за то почувствовался голодъ и сильнѣе затомила жажда. Фляжка давно была выпита.

И уже испуганно промелькнула мысль:

Сколько же здѣсь сидѣть придется... Вотъ...

Къ вечеру нѣмцы перебросили въ лѣсъ еще двѣ роты солдатъ. Слѣзть съ дерева было немисливо, а мускулы слабѣли, иногда темнѣло въ глазахъ.

— Можетъ быть ночью...

Но ночью нѣмцы окончательно заняли лѣсъ. Очевидно на завтра предполагалась атака съ двухъ сторонъ.

— Надо постараться уснуть...

Устроился поудобнѣе и задремалъ. Всю ночь давили мозгъ тяжелые, кошмарные сны. То онъ стоялъ передъ ротой нѣмецкихъ солдатъ, приговоренный къ разстрѣлу, то онъ спокойно спалъ дома и просыпался отъ стоновъ и криковъ жены, которую куда-то уносили нѣмецкіе солдаты, а онъ не могъ встать, чтобы отнять ее.

И всю ночь гдѣ-то возлѣ гудѣли голоса стоявшихъ на караулѣ солдатъ.

Утромъ лѣсъ загудѣлъ голосами.

— Пойдутъ въ атаку... Надо предупредить...
Взялъ телефонную трубку. Сталь слушать.
— Неужели дѣйствуетъ?..

Радостно, гудко забилося сердце, разливая по жиламъ горячую кровь. Налились мускулы. Словно исчезла усталость.

Прерывистымъ шепотомъ разсказаль, какъ по-дойти.

Сталь ждать.

— Скажите, когда они двинутся...—просили его.

Возлѣ него стали одинъ за другимъ проходить солдаты. Стягивались къ опушкѣ. Видимо торопились пойти еще на разсвѣтъ.

— Пошли,—шепнулъ Ананьевъ,—вы слышите?

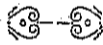
— Да, да... Хорошо, мы уже обошли ихъ,—Затрепала трубка.

И прежде чѣмъ нѣмцы тронулись съ опушки, лѣсъ былъ окруженъ. И лишь только зазвенѣли по лѣсу выстрѣлы, Ананьевъ вздохнулъ и вдругъ почувствовалъ, какъ быстро ослабѣли его силы, закружилась голова, опять мучительно затомила жажда.

Судорожно вѣпившись руками въ дерево, онъ думалъ только объ одномъ, чтобы не упасть, чтобы дождаться своихъ.

По проводамъ добрались до дерева только въ полдень и сняли самага Ананьева тогда уже, когда онъ почти терялъ сознание.

Левъ Гумилевскій.

КОННИЦА НАПОЛЕОНА.

Офицеръ карабинеровъ.

Три корреспондента.

По разсказу Кованъ-Дойля.

Мѣстомъ дѣйствія этого разсказа является Суданъ во время одной изъ англійскихъ экспедицій противъ дerviшей.

— Какая жара!—воскликнулъ Мортимеръ, обтирая выступившій на лбу потъ.—И подумать только, что въ турецкихъ баняхъ платишь пять шиллинговъ за удовольствіе наслаждаться подобною температурой.

— Да,—замѣтилъ Скоттъ,—но въ банѣ не приходится дѣлать 20 миль на лошадахъ. Хорошо бы отдохнуть до вечера въ этой пальмовой рощѣ.

Три путника, остановивъ лошадей, сошли на землю. Одному изъ нихъ, Мортимеру, представителю журнала «Intelligence», было поручено слѣдовать за военной экспедиціей.

Второй спутникъ живой, шустрый, съ черными волосами и бородой; фамилія его была Скоттъ. Оба корреспондента были связаны искренней дружбою, но ихъ раздѣляло чувство чисто профессиональнаго соперничанія.

Каждый изъ нихъ охотно отдалъ бы жизнь для спасенія друга, но ни за что не пожертвовалъ бы для этой цѣли интересами своей газеты.

Третій путешественникъ Анслей былъ корреспондентомъ «Gazette». Онъ былъ молодъ и неопытность его почти граничила съ наивностью.

На двадцать миль впереди нашихъ путниковъ находился репортеръ агенства Рейтера, а сзади ихъ на такомъ же разстояніи ѣхали на верблюдахъ корреспонденты вечернихъ газетъ.

Мортимеръ и Скоттъ относились къ своему младшему коллегѣ съ снисходительнымъ пренебреженіемъ.

Три журналиста отвели своихъ лошадей подъ тѣнь пальмъ, рѣзко выдѣлявшихся на раскаленномъ пескѣ пустыни.

— Анслей, а что наши вещи скоро будутъ? —спросилъ Скоттъ.

— Да, скоро, минутъ черезъ пять.

По тропинкѣ, извивавшейся между скалами, медленно двигался небольшой караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ вещами; впереди каравана на ослахъ ѣхали трое слугъ (берберовъ), а сзади шли арабы,—водители верблюдовъ. Вещи быстро разгрузили, животныхъ привязали и развели огонь.

Скоттъ принялся разбивать яйца для какого-то блюда, сантиментально напѣвая низкимъ голосомъ старинную пѣсенку, когда поднявъ голову, увидалъ инженера, г-на Меррилеттера, приблизившагося къ нему.

— Ради Бога дайте мнѣ пить, —простоналъ онъ, у меня совсѣмъ во рту пересохло.

Ему подали большой бокалъ воды съ виски, который онъ выпилъ большими глотками.

— Теперь можно снова тронуться въ путь.

— Что новаго?

— Я, можетъ быть, сообщу вамъ что-нибудь послѣ свиданія съ генералами. Вообще ничего нѣтъ особеннаго... Ну Джиппи, пошелъ! До свиданія, господа!

Скоттъ составилъ вкратцѣ телеграмму, содержаніе которой Анслей просилъ сообщить ему, не понимая, чѣмъ разговоръ съ инженеромъ могъ быть интересенъ для публики. Скоттъ исполнилъ его просьбу, не преминувъ замѣтить:

— Когда начнется у насъ серьезная работа, каждый будетъ дѣйствовать самостоятельно, внѣ зависимости отъ другихъ.

— Развѣ это такъ необходимо?—спросилъ Анслей.

— Разумѣется.

— Мнѣ кажется однако, что если три человѣка согласится дѣйствовать сообща и дѣлится между собою новостями, которыя каждый изъ нихъ узнаетъ, то они съ меньшимъ трудомъ достигли бы лучшаго результата.

Мортимеръ и Скоттъ изумились до того, что перестали ѣсть варенье.

— Мы здѣсь не для забавы, — сказалъ Мортимеръ, — а для того, чтобы возможно лучше послужить интересамъ нашихъ газетъ, которыя, при отсутствіи соревнованія между сотрудниками не могутъ конкурировать другъ съ другомъ. Тогда имъ проще всего было бы положиться на агентство Рейтера. Въ данную минуту преимущество за тѣмъ корреспондентомъ, который запасся лучшею лошадью. «Каждый за себя и слава достойнѣйшему» вотъ нашъ девизъ. Посмотрите, на знаменитаго Чэндлера: онъ никогда не достигъ бы такой славы, если бы дѣйствовалъ самостоятельно. Вѣдь онъ дѣлалъ невѣроятныя вещи! Напримѣръ, онъ какъ то разъ увѣрилъ одного изъ своихъ сотоварищей, что сломалъ себѣ ногу и какъ только тотъ пошелъ за докторомъ, Чэндлеръ быстро бросился на телеграфъ.

— И такой образъ дѣйствій считается честнымъ? — возмутился Анслей.

— Въ такомъ дѣлѣ все честно. Каждый ведетъ игру противъ другого — вотъ и все!

— Ипать — не значитъ плутовать.

— Думайте, что хотите, но только газета Чэндлера сообщила о результатѣ сраженія, тогда какъ въ другихъ газетахъ не было объ этомъ ни полъ слова. Возьмемъ, наприимѣръ, еще Вестлѣка, — замѣтилъ Мортимеръ, набивая трубку. — Эй, Абдуль! можешь убирать! Вестлѣкъ, чтобы первому сообщить извѣстія съ театра войны, выдалъ себя за правительственнаго курьера, благодаря чему газета заработала ½ милліона.

— Вы находите и такого рода поступокъ честнымъ?

— Почему же нѣтъ?

— Мнѣ кажется, что онъ близко граничитъ съ воровствомъ.

— Ну, а я скажу вамъ, что поступилъ бы точно также. А ваше мнѣніе на этотъ счетъ? — обратился онъ къ Скотту.

— Что касается меня, то я остановлюсь развѣ только передъ убійствомъ.

— Ну, положимъ, вы и на это способны.

— Нѣтъ, правдо, до этого я бы не дошелъ, это было бы преступленіе противъ профессиональной этики, но тѣмъ не менѣе всякій иностранецъ, находящійся между телеграфной станціей и слѣдующимъ корреспондентомъ, подвергается немалой опасности. Дѣлайте все, что въ вашихъ силахъ, прибѣгайте къ какимъ хотите средствамъ, но только будьте первымъ у телеграфа. Если вамъ посчастливится участвовать въ новой кампаніи, совѣтую вамъ добыть самую лучшую лошадь, какую вы только найдете, хотя бы она вамъ очень дорого стоила. Не знаю, кто изъ насъ побѣдитъ — Мортимеръ или я, но у насъ самыя быстрыя лошади и мы ничѣмъ не пренебрегли для достиженія успѣха.

— Я въ этомъ не такъ увѣренъ, — возразилъ

Наполеонъ изъ окна Кремлевскаго дворца смотритъ на пожаръ Москвы. Картина С. Савина.

Мортимеръ. — Вы вѣдь знаете, что если на протяженіи 20 миль лошадь перегоняетъ верблюда, то при разстояніи въ 30 миль результатъ получается обратный.

— Какъ! — удивленно воскликнулъ Анслей, — такой верблюдъ можетъ обогнать лошадь?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я говорю о тѣхъ верблюдахъ, на которыхъ ѣздятъ дервиши, когда имъ надо быстро пробѣжать значительныя разстоянія.

— Эти животныя могутъ перегнать лошадь, идущую галопомъ?

— Да, конечно! Лошадь не можетъ поспѣть за ними, потому что они весь путь идутъ одинаковымъ мѣрнымъ шагомъ; вдобавокъ имъ не нужно останавливаться для корма или питья, и они удивительно крѣпки на ноги.

— Во всякомъ случаѣ, намъ не приходится пенять на себя, — замѣтилъ Мортимеръ. — Мнѣ кажется маловѣроятнымъ, чтобы намъ пришлось удалиться на 30 миль отъ телеграфной станціи; да къ тому же проводъ будетъ восстановленъ не позже будущей недѣли. Несомнѣнно. А до тѣхъ поръ, господа, мы можемъ отдохнуть.

Скоттъ и Мортимеръ, привыкшіе къ жизни на открытомъ воздухѣ, вскорѣ заснули крѣпкимъ сномъ, закрывшись отъ москитовъ кисейнымъ пологомъ. Молодой Анслей съ сигарою въ зубахъ стоялъ, присло-

нясь къ палмѣ, и обдумывалъ полученные имъ совѣты. Рѣшившись слѣдовать имъ, онъ уже собирался также лечь спать, какъ вдругъ увидѣлъ темную точку, двигавшуюся въ южномъ направленіи. Это былъ возвращавшійся верхомъ инженеръ Меррилеттеръ. Въ одну минуту лошадь и всадникъ исчезли за склономъ, и Анслей вдругъ увидѣлъ, какъ изъ за скалы поднялось облако бѣлаго дыма, легкимъ туманомъ разсѣявшееся надъ пустыней. Онъ разбудилъ Скотта и Мортимера, закричавъ:

— Вставайте! Кажется, дервиши застрѣлили Меррилеттера.

Послѣ налета цепелиновъ на восточное побережье Англии. Поврежденія въ «музеѣ оружія» отъ бомбы, взорвавшейся неподалеку. (Ориг. рис. съ натуры).

— Да и агента Рейтера еще нѣтъ!—воскликнули оба журналиста. — Какъ это могло случиться!

И Анслей въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ имъ въ чемъ дѣло.

— Вы ничего не слышали? — спросилъ Скоттъ.

— Нѣтъ.

— Бываетъ, впрочемъ, что скалы заглушаютъ звуки выстрѣловъ.

— Ну, дѣло налаживается, — сказалъ Мортимеръ, углубившись въ свою записную книжку. — Дервиши перерѣзали путь Меррилеттеру, онъ вернулся на-

задъ, его застрѣлили, изувѣчили, сообщенія отрѣзаны дервишами. Не ясно ли?

— Вы полагаете, что они перерѣзали ему путь?

— Вѣроятно, иначе ему незачѣмъ было возвращаться.

— Значитъ впереди должно быть нѣсколько развѣдочныхъ отрядовъ непріятеля?

— По всей вѣроятности.

— Почему вы думаете, что его изувѣчили. Я не въ первый разъ встрѣчаюсь съ арабами.

— Куда же вы ѣдете?

— Въ Серрасъ.

— Я также. Посмотримъ, кто быстрее доѣдетъ!

Во время разговора вдругъ раздалась стрѣльба и надъ головами путешественниковъ засвистѣли пули. Пальмовая вѣтка упала къ ихъ ногамъ и въ ту же минуту шесть слугъ съ ужасомъ бросились къ своимъ господамъ, умоляя о защитѣ:

Мортимеръ взялся организовать оборону.

— Тали! Хенно! Эсси! чего вы такъ испугались? Отведите верблюдовъ за стволы палмъ и хорошенько привяжите ихъ. Развѣ вы никогда не слышали свиста пули? Ну, уложите вашихъ ослей сюда съ этой стороны, а моего пони уведите отсюда, не дѣлайте изъ него мишени. Поставьте его вмѣстѣ съ другими лошадьми за деревья. Прицѣль у этихъ молодцевъ, кажется, выше, чѣмъ нужно.

— А все-таки эта пуля куда то попала! — воскликнулъ Скоттъ, услышавъ глухой звукъ, похожій на шумъ камня, шлепнувшего въ грязь.

— Во что попала эта пуля?

— Вотъ въ того рыжаго верблюда...

Бѣдное животное опустилось на землю, высунувъ языкъ и закрывая свои большіе темные глаза.

— Этотъ выстрѣлъ мнѣ стоитъ 15 фунт. стерлинговъ, — злобно проговорилъ Мортимеръ. — Какъ вы думаете, сколько тамъ этихъ негодяевъ?

— По моему, не болѣе четырехъ.

— Ну, да; четверо съ ружьями, это навѣрно; но могутъ быть еще и другіе при холодномъ оружьи.

— Не думаю; это просто небольшая группа кавалеристовъ, дѣлающая набѣги. Кстати, Анслей, вы въ первый разъ видите огонь?

— Да, — сознался юноша, испытывавшій въ эту минуту странное необъяснимое чувство, въ которомъ было и любопытство, и смѣлость, и тревога.

— Любовь, бѣдность, война, — вотъ три вещи, которыя необходимо испытать, иначе жизнь не будетъ полна. Передайте же мнѣ патроны... Знаете, мой другъ, этотъ инцидентъ является для васъ малымъ боевымъ крещеніемъ; за верблюдами вы въ такой же безопасности, какъ въ Лондонѣ въ клубѣ писателей.

— Въ такой же безопасности, да! но, конечно, не съ такимъ же удобствомъ! — воскликнулъ Скоттъ. — Однако, Мортимеръ, намъ, можно сказать, повезло! Вы представляете лицо генерала, когда онъ узнаетъ, что первая стычка была... съ колонною журналистовъ? Подумайте только объ агентѣ Рейтера, который цѣлую недѣлю жарится на солнцѣ вмѣстѣ съ «ядромъ арміи!» А вечернія газеты! Ахъ, пуля пронзита мой пологъ! Я счастливо отдѣлался.

— Она попала въ одного изъ ослей.

— Если это такъ будетъ продолжаться, намъ придется нести свои вещи на спинѣ до самаго Хартума.

— Ничего, мой милый, все это намъ матеріалъ для работы. Я отсюда вижу заглавія: «Набѣгъ на линію»

сообщений». Убийство английского инженера». «Нападение на колонну журналистов».

— Все это очень мило... но я хотѣлъ бы знать, каковъ будетъ конецъ этой статьи, — замѣтил Анслей.

— А вотъ каковъ; нашъ специальный корреспондентъ раненъ! — воскликнулъ Скоттъ, катясь по землѣ, — хотя не очень сильно, — добавилъ онъ, приподнимаясь съ царапиной на колѣнѣ.

— У меня есть пластырь, если вамъ нужно.

— Сейчасъ. Не люблю, когда стрѣляютъ на разстояніи. Лучше бы они вышли изъ своей засады.

— Радуйтесь, они приближаются.

— Чортъ возьми! Нашъ котель разбитъ.

Ружейная пуля съ трескомъ ударила въ котель, поднимая надъ пламенемъ облако пара. Въ скалахъ раздались дикіе крики.

— Эти идиоты воображаютъ, что мы всѣ погибли и, должно быть, сейчасъ бросятся на насъ. Теперь наша очередь стрѣлять. Анслей, револьверъ при васъ?

— У меня не револьверъ, а чудное охотничье двухствольное ружье.

— Отлично! А какіе патроны?

— Патроны? пулевые, охотничьи.

— Чудесно. У меня револьверъ заряженъ крупной дробью, такъ какъ обыкновенный револьверъ не остановитъ этихъ господъ. Постойте, постойте, — продолжалъ Мортимеръ, старательно поправляя очки, — кажется, они сейчасъ обрушатся на насъ!..

— Теперь ровно 4 часа 17 минутъ, — замѣтил Скоттъ.

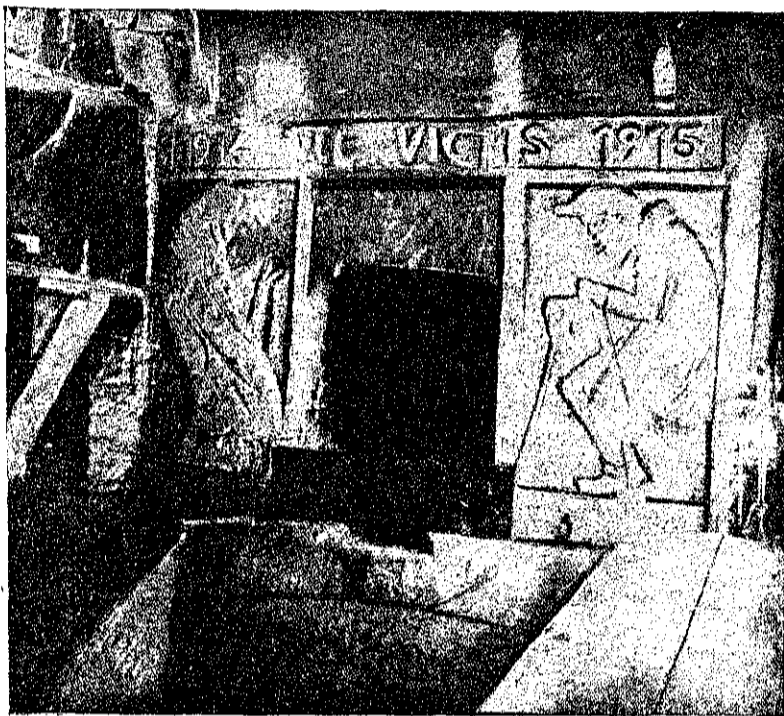
Анслей, спрятавшись за верблюдовъ, не сводилъ любопытнаго взора съ возвышавшихся противъ него скалъ. Время отъ времени поднимались легкіе клубы бѣлаго дыма, но разглядѣть нападавшихъ было невозможно. Молодой репортеръ испытывалъ несказанное волненіе при мысли о томъ, что враги подходятъ все ближе и ближе. Когда разлетѣлся котель, Анслей услышалъ ихъ радостные крики и почти одновременно раздавшійся властный голосъ, произнесшій слова, смыслъ которыхъ былъ непонятенъ молодому человѣку.

Но Скоттъ, очевидно, понялъ ихъ и, пожавъ плечами, прошепталъ:

— Нужно, чтобы они прежде пришли насъ взять.

Обстрѣлъ начался на разстояніи нѣсколькихъ сотъ футовъ, и корреспонденты за неимѣніемъ дальнобойныхъ ружей лишены были возможности отвѣчать на него. Къ счастью африканецъ никогда не полагается вполне на свое ружье, и первобытный инстинктъ, влекущій его къ рукопашному бою, еще настолько силенъ, что не допускаетъ другого способа борьбы. И вотъ непріятель быстро сталъ приближаться и вскорѣ можно было различить показавшуюся изъ-за скалы громадную курчавую голову съ выдающейся челюстью и жестокимъ звѣринымъ выраженіемъ. Человѣкъ, которому принадлежала голова, потрясалъ бывшимъ у него въ рукѣ ружьемъ по направленію нашихъ путешественниковъ.

— Стрѣлять? — спросилъ Анслей.

Юмористическія фрески на стѣнахъ у входа въ французскую траншею.

— Нѣтъ. Онъ слишкомъ далеко, и зарядъ пропадетъ даромъ.

— У васъ есть фотографическій аппаратъ? — спросилъ Скоттъ. — Теперь какъ разъ время имъ воспользоваться.

Изъ-за скалы показался второй арабъ съ тонкими чертами лица и острою бородкою. На головѣ у него былъ зеленый тюрбанъ, эмблема начальства.

— Какая пестрая толпа, — промолвилъ Скоттъ.

— Послѣдній принадлежитъ къ племени Балгара, — отвѣтилъ Мортимеръ. — Вотъ, негръ... еще негръ. А вотъ эти двое Димгасы, единственный народъ который только и живетъ въ битвахъ, все равно за кого и противъ кого. Когда они приблизятся я угощу ихъ... крупной дробью. Смѣлѣе, Анслей, вотъ они!

Онъ не ошибался. Непріятель, предводительствующій арабомъ въ зеленомъ тюрбанѣ, бросился на нихъ, за арабомъ мчался негръ съ серебрянными серьгами въ ушахъ. Это былъ настоящій великанъ, на цѣлую голову выше двухъ другихъ, слѣдовавшихъ за нимъ негровъ.

— Ну, Анслей, цѣльтесь въ араба!

Вскинувъ ружье на плечо, онъ прицѣлился и дважды спустил курокъ, но безъ результата. Въ эту минуту около него раздались 2 револьверныхъ выстрѣла, и грудь араба обогрелась кровью.

— Стѣляйте, стрѣляйте-же, чертъ васъ возьми! — воскликнулъ Скоттъ.

Анслей нажалъ курокъ, не подумавъ предварительно зарядить ружье, но возлѣ него раздались еще два выстрѣла и негръ-гигантъ упалъ, чтобы еще разъ приподняться и снова свалиться на землю.

— Зарядите-же ваше ружье, идиотъ! — послышался яростный голосъ. Въ ту-же минуту арабъ перескочилъ черезъ лежащаго верблюда, и на груди Анслей очутились голыя ноги противника, при чемъ онъ услышалъ сильный взрывъ у самой своей головы.

ПО АНГЛИЙСКИ.

АНГЛИЧАНИНЪ. Я обвиняюсь сейчас же послѣ окончанія войны.

ФРАНЦУЗЪ. А сколько лѣтъ вашей невѣстѣ?

АНГЛИЧАНИНЪ. Пять лѣтъ! Мы, англичане, не топчёмся!

— До свиданія, мой другъ. Вы скоро поправитесь. Имѣйте терпѣніе.

Это говорилъ Мортимеръ.

— Очень жалъ, что намъ приходится васъ покинуть, но намъ важно отправить телеграммы во время, — проговорилъ Скоттъ, прищипывая лошадь.

— Мы не забудемъ упомянуть въ телеграммахъ о вашей ранѣ, вашъ издатель пойметъ, почему вы не телеграфировали. Если вамъ случится встрѣтить корреспондента Рейтера или кого-нибудь изъ репортеровъ вечернихъ газетъ, вы имъ не скажите объ этомъ ни слова, неправда-ли? Аббасъ будетъ васъ охранять. Мы вернемся завтра днемъ. До свиданія, всего хорошаго!

Анслей былъ слишкомъ слабъ, чтобы отвѣтить, но онъ сознавалъ, что ему представлялся случай создать себѣ имя среди извѣстныхъ журналистовъ и что теперь эта возможность ускользала отъ него. Ему пришлось присутствовать на самомъ дѣлѣ при простой схваткѣ, но за то эта схватка была первою. Лондонская публика съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій; читатели Courier, Intelligence первые узнаютъ о томъ, о чемъ Gazette поневолѣ должна будетъ промолчать.

Эта мысль пробудила въ немъ энергію, благодаря которой онъ могъ подняться, хотя и съ большимъ трудомъ.

Его взглядъ остановился на трупѣ чернаго великана, распростертаго на землѣ, съ прострѣленной грудью; степныя мухи уже густыми массами облѣпили его раны.

Немного далѣе лежало тѣло араба, съ руками скрещенными еще на обезображенной, окровавленной головѣ, а на груди его покоилось ружье Анслея.

Анслей чувствовалъ боль отъ ожоговъ и въ тоже время ощущалъ запахъ паленыхъ волосъ. Онъ поднесъ руку къ усамъ: ихъ не было. Тоже произошло и съ бровями.

Вѣроятно, когда онъ въ борьбѣ съ дервишемъ свалился на землю, головы ихъ очутились рядомъ.

Анслей сознавалъ, что его положеніе было не изъ пріятныхъ. У него оставался только несчастный маленькій пони, стоявшій тутъ-же съ опущенной головой. Нельзя же было рассчитывать на быстроту, сдѣлать 35 миль на такой лошади. Но онъ вспомнилъ о верблюдахъ, которые были съ его точки зрѣнія гораздо цѣннѣе. Онъ также припомнилъ слова Мортимера, что при разстояніи въ 30 миль верблюды выносливѣе лошадей. Если бы ему только удалось найти такого верблюда.

Вдругъ онъ вспомнилъ новую фразу Мортимера, что, когда дервиши дѣлаютъ набѣги, то всегда ѣздятъ на верблюдахъ.

Куда же дѣлись животныя дервишей, трупы которыхъ лежали около него. Въ одну минуту онъ взобрался на скалы, не смотря на протесты Аббаса, слѣдовавшаго за нимъ по пятамъ. Какова была его радость, когда онъ увидѣлъ бѣлую длинную шею, и изящную голову верблюда, котораго онъ раньше никогда не видѣлъ.

Животное стояло на колыняхъ около скалы, съ бурдюкомъ на спинѣ съ одной стороны и съ провизіей на другой, колыни были связаны веревкой. Анслей не колеблясь, побѣжалъ и вскочилъ на сѣдло въ то время какъ Аббасъ спускалъ веревку. Молодой человекъ, котораго сперва качало взадъ и впередъ, наконецъ, уцѣпился, какъ могъ, за своего верблюда, какъ только послѣдній поднялся на ноги. Наконецъ, онъ прочно помѣстился на верблюдѣ, который стоялъ нѣсколько минутъ спокойно: животное было кроткое. Наконецъ, онъ дотронулся палкой до костлявой шеи и черезъ минуту услышалъ прощаніе Аббаса, оно раздавалось далеко позади него.

Не имѣя ни шпоръ, ни точки опоры для ногъ, онъ напрягалъ силы, чтобы управлять верблюдомъ, и онъ

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. И послалъ же чортъ мнѣ союзниковъ — оба ни къ чорту не годятся!

сталъ сжимать его колѣнками, нагибаясь впередъ или откидываясь назадъ, какъ это дѣлали арабы.

Верблюды сразу побѣжали быстро, его шаги не были слышны на пескѣ.

Несмотря на свою головную боль, Анслей не могъ не радоваться: ему было пріятно ѣхать и вдыхать свѣжій вѣтеръ, который дулъ ему въ лицо.

Онъ посмотрѣлъ на часы и мысленно сосчиталъ время и пройденное пространство. Онъ не надѣялся, что его депеши могутъ попасть въ Флитъ-Стришъ до 2-хъ или 3-хъ часовъ утра, еслибы даже ему все благопріятствовало.

Когда взошла луна и послышался шумъ лошадиныхъ копытъ, онъ забылъ свои страданія, такъ какъ убѣдился, что нагоняетъ соперниковъ. Было уже 11 часовъ, а онъ проѣхалъ всего полпути.

Цѣлый день дѣйствовалъ телеграфный аппаратъ въ маленькомъ помѣщеніи телеграфной станціи въ Саррасѣ.

Наконецъ, въ 2 часа утра усталый телеграфистъ открылъ дверь и закурилъ свою трубку, радуясь, что можетъ хотя немного вздохнуть; вдругъ онъ замѣтилъ въ темнотѣ остановившагося верблюда и приближающагося къ нему человѣка.

— Который часъ? — спросилъ этотъ человѣкъ.

— Третій, — отвѣтилъ телеграфистъ.

Голосъ Анслей охрипъ, и онъ схватился за дверь, чтобы не упасть.

— Два часа! — воскликнулъ онъ. — Ну, я проигралъ. Сколько времени идетъ телеграмма до Лондона?

— Около двухъ часовъ, но есть разница во времени на 1 часъ.

— А! — воскликнулъ Анслей и, качаясь, онъ сѣлъ на ящикъ. Онъ началъ диктовать свою знаменитую телеграмму.

Вотъ почему въ Gazette появилась длинная и живая статья, тогда какъ въ Intelligence и Courrier не было никакихъ извѣстій.

«Совѣтъ нечестивыхъ».

Въ 4 часа утра пріѣхали на телеграфную станцію Саррасъ двое усталыхъ всадниковъ на измученныхъ лошадяхъ. Они узнали, что ихъ молодой сотрудникъ обогналъ ихъ, молча посмотрѣли другъ на друга, и молча разошлись, сознавая, что ихъ уроки не пропали даромъ.

КРОНШТАДТЪ.

(Историческая справка).

Кронштадтъ расположенъ въ 46 верстахъ къ западу отъ Петрограда, на островѣ Котлинѣ, въ восточной части Финскаго залива.

Самый островъ Котлинъ, а по первоначальному прозвищу «Ретусари», отстоитъ отъ устья красавицы Невы въ 25 верстахъ; онъ очень низмененъ и только въ восточной части приподнятъ искусственно для устройства крѣпости.

Съ 1323 года по 1617 годъ Котлинъ признавался пограничнымъ урочищемъ Россіи со Швеціею и былъ совершенно не населенъ; въ 1617 году онъ былъ уступленъ шведамъ, а позже, вмѣстѣ съ Ингерманландіею, присоединенъ къ Россіи.

Почти въ теченіе цѣлаго 1703 го-

да основанная Петромъ столица подвергалась опасности быть взятой шведами; лѣтомъ около устья Невы довольно долго простояла шведская эскадра; а немного позже неприятельскій отрядъ, подъ командою генерала Кронгиорта, подошелъ къ городу; русскія войска отбили его и вынудили отступить къ Выборгу.

Всѣ такіа неприятельскія вторженія были, очевидно, не по душѣ Петру, и онъ, съ цѣлью оградить столицу отъ нихъ, задумалъ воздвигнуть укрѣпленіе на отмели, лежащей съ южной стороны Котлина. И уже осенью того же года, тотчасъ же послѣ удаленія шведской эскадры, царь отправился на островъ и, измѣривъ самодично около него глу-

бину воды, повелѣлъ Меншикову озаботиться постройкой укрѣпленія. Въ ноябрѣ — тамъ появилось первое купеческое судно, и Петръ заложилъ крѣпость Кроншлотъ, постройка которой пошла очень быстро по модели, сдѣланной самимъ царемъ въ бытность его въ Воронежѣ. Укрѣпленіе было воздвигнуто въ ту же зиму.

Однако Кроншлотъ не оправдалъ ожиданій Петра, и шведы все же пытались пройти къ столицѣ, но уже съ другой — сѣверной стороны Котлина. Тогда Петръ повелѣлъ построить на островѣ другую, болѣе обширную крѣпость, составилъ также самъ планъ и поручилъ его выполнить капитану-командору Пену при содѣйствіи плѣнныхъ шведовъ и гвардейскихъ солдатъ. Это было въ 1710 году и съ тѣхъ поръ, вплоть до 1719 года, работа по постройкѣ Кронштадта и крѣпости кипѣла. 10 декабря 1719 года царь, будучи на ассамблеѣ въ домѣ адмирала Федора

Матвѣевича Апраксина, именнымъ указомъ, приказалъ: «гавани въ зиму 1720 году дѣлать отъ Купецкой до канала и за каналъ нѣсколько сажень, да отъ Купецкой же до берегу за военную гавань поперегъ перемкнуть, а Января 1-го числа 720 году, Рижскаго гарнизону солдатамъ старую гавань выбрать». Постепенно къ 1720 году были окончены военныя и купеческія гавани, отдѣльныя укрѣпленія, дома вельможъ и служащихъ.

За всѣми постройками главный надзоръ имѣлъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, бывший впо-

разъ капитальнѣйшимъ перестройкамъ; такъ въ 1807 — 1808 гг. они были передѣланы по плану Оппермана; а послѣ наводненія 1824 года почти перестроены заново; въ 1825 — 1840 гг. были построены западные фронты, оборонительныя стѣнки, казармы и плотины, а также передѣлана въ каменное укрѣпленіе цитадель и названа фортомъ «Императора Петра I». Въ 1854 году были выстроены добавочныя укрѣпленія на косѣ и устроены подводныя загражденія; въ 1858 году начата батарея «Константинъ».

Въ настоящее время Кронштадтъ

Рекогносцировка въ пустынь во время войнъ англичанъ въ Суданѣ.

слѣдствіи ген.-фельдмаршломъ, покорителемъ Шлиссельбурга и Финляндіи; онъ жилъ самъ въ Петербургѣ, а на «Котлиномъ же островѣ» для ближайшаго наблюденія за постройками состояла особая «канцелярія гаваннаго, канальнаго и губернскихъ домовъ строенія», гдѣ засѣдалъ генераль-кригсъ-цалмейстеръ, стольникъ Михаилъ Михайловичъ Самаринъ. Кромѣ этой канцелярія была организована еще другая — «строенія Его Императорскаго Величества Котлинскихъ домовъ, вѣдѣнія Его Высококняжеской свѣтлости, т. е. Меншикова.

Всѣ государи послѣ Петра, понимая всю важность Кронштадта, какъ военнаго порта и крѣпости, обращали особенное вниманіе на улучшеніе его; и, сообразуясь съ ходомъ морского военнаго могущества, заботились объ укрѣпленіи его. Укрѣпленія подвергались нѣсколько

представляетъ сильнѣйшую преграду для непріятельскихъ судовъ, стремящихся къ Петрограду, и надежную защиту для нашего флота.

* 2,000 Акusherокъ безъ работы. *

Намъ уже приходилось указывать на то, что количество рожденных значительно пало въ Германіи за послѣднее время.

То же явленіе замѣчается и въ Австро-Венгріи, какъ констатируетъ вѣнская социалистическая газета «Zeit».

Въ первые три мѣсяца войны, — говоритъ газета, — число рожденных было вполне нормальное. Но затѣмъ оно начало падать въ такой пропорціи, что въ одной только Вѣ-

нѣ сейчасъ 2,000 безработныхъ акusherокъ.

Газета возбуждаетъ интересный вопросъ о содержаніи ихъ на счетъ государства, какъ пострадавшихъ отъ войны.

нѣмецкое добродушіе.

«Berl. Tagebl», захлебываясь отъ восторга, словами своего корреспондента передаетъ слѣдующія трогательныя подробности о поведеніи нѣмецкихъ солдатъ въ Польшѣ.

«И когда имъ приходилось въ слѣдствіе стратегическихъ соображеній оставлять занятія мѣста, эти добрые малые не могли ничѣмъ инымъ выразить свою благодарность жителямъ, въ домахъ которыхъ имѣли пребываніе, какъ письмами и фотографическими карточками, на которыхъ они дѣлали надписи: «на добрую память».

Необходимо дополнить сообщеніе газеты, что фотографическія карточки эти «добрые малые» вставляли въ рамки, изъ которыхъ предсудително ими были удалены старинныя гравюры, картины и миниатюры, сданныя въ обозъ, а письма имѣли весьма опредѣленный характеръ:

«Дорогіе хозяева! Ваша мебель мнѣ очень понравилась. И золотыя вещи также, (неделикатно съ вашей стороны ихъ такъ запрягивать). Все беру съ собой. Желаю всего хорошаго, любящій васъ, Гансъ Мюллеръ.

P. S. Оставляю на добрую память свою фотографическую карточку.

Нѣмецкая душа сантиментальная и нѣжная не огрубѣваетъ даже на войнѣ.

Жители и враги не поняли и не оцѣнили ее.

Лучшій порывъ нѣмецкаго духа они называютъ:

— Кражей!

Авіація во время войны.

По словамъ «Westminster Gazette», въ Америкѣ образовался трестъ для фабрикаціи аэроплановъ. Членами его являются 10 компаній, обладающихъ въ широкихъ размѣрахъ какъ нужными знаніями, такъ и средствами.

Трестъ можетъ изготовить до 100,000 аэроплановъ въ годъ.

Названная газета привѣтствуетъ такое широкое развитіе именно той

промышленности, которая теперь так важна, так необходима.

«Насколько заблуждалось английское военное министерство, — говорит газета, — игнорируя внешнюю фабрикацию и надеясь на лучшее и скорейшее выполнение заказов только английскими фабриками».

По этому поводу «Westminster Gazette» вспоминает ошибки некоторых экспертов, выводивших в теории аксиомы, которые затѣм совершенно опровергались опытами.

Такъ, одинъ знаменитый теоретикъ доказывалъ необходимость конструкций моторовъ болѣе слабыхъ, нежели употреблявшіяся до сихъ поръ, тогда какъ мы видимъ теперь вмѣсто 30-сильныхъ Блеріо 600-сильные, и кто знаетъ, можетъ быть будутъ современемъ и въ 1,000 силъ.

Дополненіе къ латышскому гимну.

Латыши, такъ единодушно реагирующие на совершающіяся событія, нѣсколько видоизмѣнили даже слова своего гимна «Боже благослови Латвію», до сихъ поръ по содержанию, носившаго миролюбивый характеромъ, и рѣшили прибавить нѣсколько строфъ, рисующихъ совершающіяся событія. Латышскій поэтъ-герой, Карль Штраль, раненый на австрійскомъ фронтѣ и находящійся теперь на излѣченіи въ одномъ изъ лазаретовъ Москвы, дополнилъ гимнъ своего народа слѣдующими строфами:

Къ строфѣ: «Боже, благослови Балтію», прибавлено:

*Ахъ, благослови ее Ты!..
Гдѣ цвѣтутъ латышки-дѣвушки,
Гдѣ сыны ея кровь проливаютъ,
И стремятся на смертный бой
за Родину...*

НѢМЕЦКАЯ „КЛЮКВА“.

Въ германскихъ газетахъ одинъ нѣмецъ угощаетъ такимъ описаніемъ чаепитія у русскихъ.

«Русскій, — говоритъ онъ, — пьетъ чай тремя способами: первый самый пріятный для русскихъ, пить чай «съ прикусомъ».

Пьющій держитъ кусочекъ сахара въ переднихъ зубахъ и экс-

Погрѣбеніе военнаго корреспондента газеты «Standard», г. Камерона, убитаго при Абу-Крю.

номно фильтруетъ черезъ этотъ кусокъ сахара цѣлый стаканъ чаю.

Второй способъ пить «съ прикусомъ».

Съ потолка на веревочкѣ свѣшивается кусокъ сахара, и каждый изъ гостей, сидящихъ вокругъ стола, лижетъ этотъ кусокъ передъ тѣмъ, какъ глотнетъ чай.

Наиболѣе дешевый способъ пить чай, — это «съ придумкомъ» (съ мечтаніемъ), какъ объясняетъ нѣмецкій авторъ и прибавляетъ: «Какъ поэтиченъ русскій народъ! О сахарѣ при этомъ способѣ пить чай, только мечтаютъ».

Далѣе авторъ пишетъ: «я не видѣлъ, чтобы русскій передъ тѣмъ, какъ напиться чаю, перекрестился, но при одномъ видѣ бутылки съ водкой русскій многократно крестится и передъ тѣмъ, какъ выпить рюмку водки, по крайней мѣрѣ, три раза крестится правой рукой».

Въ пути русскій почти на каждой станціи наполняетъ горячей водой самоваръ, который онъ везетъ съ собой.

Этого количества воды ему хватаетъ на одну станцію, и русскіе считаютъ количество станцій, которыя они проѣхали, по количеству выпитыхъ самоваровъ воды».

Читая такія описанія, невольно напрашивается мысль о томъ, что Круплъ взялъ на себя массовое приготвленіе нѣмецкихъ мѣдныхъ лбовъ».

ЖИВЫЕ ФАКЕЛЫ.

Не разъ сообщали газеты о сожженіи нѣмцами нашихъ солдатъ живыми. Не хотѣлось вѣрить. Слишкомъ — даже для нѣмцевъ. Могли быть преувеличенія.

Неповѣренные слухи. Не указывалось, кто рассказывалъ, видѣлъ ли онъ это собственными глазами, или слышалъ отъ другихъ, и отъ кого именно.

Но вотъ доставленъ въ Петроградъ раненый офицеръ Ильинъ, который свидѣтельствуетъ, что сожженіе казаковъ на кострѣ — фактъ. И фактъ не единичный.

Мы не можемъ не вѣрить офицеру русской арміи.

Народъ — палачъ — зажегъ надъ русской арміей новый мученичскій вѣнецъ.

Германія готовилась къ войнѣ годы. Изподтишка стягивала войска къ границѣ. Окончила мобилизацію — задолго до ея официальнаго объявленія. И безъ боя захватила наши пограничныя земли. Это не было «побѣдой», это было разбойническимъ нашествіемъ.

За этотъ разбой — придетъ грозный часъ расплаты. Все вспомнится. Ничто не будетъ забыто. Ни одна слеза раззоренныхъ, измученныхъ гражданъ. И на первомъ мѣстѣ этого скорбнаго листа будутъ стоять:

Живые факелы...

Во время войны въ Суданѣ. Колодезь въ пустынь.

Героическое прошлое нашей союзницы Сербіи.

Извлекаемъ изъ интересной статьи Ник. Брешко-Брешковскаго любопытныя свѣдѣнія о героическомъ прошломъ Сербіи.

Не всѣ помнятъ чѣмъ была Сербія въ XII и XIII вѣкѣ. Немногіе помнятъ, что она была не княжествомъ и даже не королевствомъ, а имперіей.

Стефанъ Душанъ Сильный носилъ титулъ «императора всѣхъ сербовъ, болгаръ и грековъ». Царствованіе Душана—это самый пышный расцвѣтъ сербской имперіи, раскинувшейся отъ края до края, отъ моря до моря и, когда ей стало тѣсно въ границахъ балканскаго полуострова,—хлынувшей черезъ Дунай, гдѣ теперь южная Венгрія съ Банатомъ, Славоніей и Хорватіей.

Да, это былъ золотой вѣкъ, въ эпоху Душана, вѣкъ войскаго доблести, страшнаго могущества сербовъ и высокаго подъема культуры!

Сербскіе цари женились на французскихъ принцессахъ и догарессинахъ Венеціи и Генуи. И вмѣстѣ со дворомъ этихъ новыхъ сербскихъ царицъ и королевен пріѣзжали поѣты, зодчіе, живописцы, инженеры Западной Европы. Процвѣтала торговля и къ гаванямъ сербской Адриатики устремлялись корабли съ Востока, изъ Венеціи, Марсея, изъ Испаніи.

Подъ скипетромъ Душана и подъ

защитою короны Сильнаго сербскаго императора, создавались десятки новыхъ республикъ и княжествъ.

Лучше живописцы, расписывали храмы, выведенные лучшими архитекторами эпохи. Таковъ Гречаницкій монастырь на Коссовомъ полѣ, подробно описанный мною въ нашей газетѣ,—этотъ загадочно дивный шедевръ сербскаго зодчества.

Это—храмъ Господа Бога.

А какъ монументально—циклопически строились тогда меркуріевы храмы! Въ Ускюбѣ, или, вѣрнѣе, въ Скоплье, построенъ былъ купцами изъ Дубровника торговый дворъ (куршуплиханъ). Достался онъ сербамъ отъ турокъ въ ужасно запущенномъ видѣ. Турки загадили его, засвинячили елико возможно. И все же, когда вы ходите подъ открытыми портиками, всматриваетесь въ тяжелыя излучины арокъ, поражаетесь толщиною гранитныхъ стѣнъ,— вы вспоминаете исполинскія сооруженія античнаго Рима.

У Душана былъ орлиный полетъ. Крулыми, немигающими орлиными глазами смотрѣлъ онъ на одряхлѣвающую, гибнущую Византію, хотѣлъ, чтобъ засялъ надъ Царьградомъ его золотой двуглавый орелъ. Онъ чуялъ близость несмѣтныхъ ордъ османлисовъ, желалъ спасти Европу отъ нашествія этой

воинственной, все уничтожающей на своемъ пути саранчи. Но окошенный болѣзнию, отлетѣлъ Душановъ духъ на пути къ Царьграду, на порогѣ вотъ-вотъ готовыхъ осуществиться горделивыхъ мечтаній...

Кантакузинъ, впоследствии византійскій императоръ, самъ на свою же погибель призвалъ турокъ. Они наводнили собою Балканскій полуостровъ. Въ знаменитой битвѣ на Коссовомъ полѣ сербскій царь Лазаръ и сербы потерпѣли пораженіе.

Гречаницкій монастырь,—уцѣлѣвшій свидѣтель этой битвы народовъ. Сорокъ монаховъ въ теченіе двухъ недѣль исповѣдывали и причащали трехсоттысячную армію бойцовъ Коссова. Армію, которая вся легла, раздавленная численнымъ превосходствомъ турокъ.

Турки сломали сербскую мощь. Но героическій духъ народа остался. Сербы могли быть побѣжденными, но не могли быть рабами. Они не стали пассивно и тупо, безучастно, подобно болгарамъ, ждать, чтобъ пришли другіе освободители. Они сами пытались сбросить съ себя гнетъ завоевателей-мусульманъ.

Семь кровавыхъ возстаній слѣдовали одно за другимъ на протяженіи четырехсотъ лѣтъ. Нѣкоторыя имена повстанническихъ воеводъ вѣзались глубоко въ скрижали сербской исторіи, сдѣлались легендарными. И теперь поютъ въ народѣ пѣсни про Гайдужа Вельку, про страшнаго Кара-Георгія, про Милоша Обреновича.

Кара-Георгій—родоначальникъ нынѣ царствующей династіи, дѣдъ короля Петра, десять лѣтъ велъ упорную титаническую борьбу съ турками. Это былъ человекъ, богато одаренный и силою духа, и отвагою, и непонятными для его современника-европейца стратегическими способностями. Съ горстью гайдукѣвъ, вооруженныхъ старозавѣтными кремневками и деревянными, обмотанными проволокою пушками, Черный Георгій побѣждалъ громадныя турецкія таборы.

Тѣ самые трехбунчужные паши, которые и слышать не хотѣли о подчиненіи султану, при одномъ имени Кара-Георгія трепетали...

Стамбулъ всполошился, видя, какъ разрастается въ охватившемъ половину Балканъ пожарѣ Карагеоргиево возстаніе. Изъ Египта, Сиріи, Палестины, Аравіи, изъ Туниса, Марокко и Алжира стянуты были подкрѣпленія. Чуть ли не полумиллі-

онныя полчища двинуты были на горсть гайдуковъ. Въ концѣ концовъ, Кара-Георгій убѣдился въ безполезности своего сопротивленія и, желая сохранить жизнь своимъ людямъ, самъ удалился въ Австрію.

Первый шагъ былъ сдѣланъ. Продолжателемъ Кара-Георгія явился Милошъ Обреновичъ. Ему удалось привлечь къ возстанію черногорцевъ, босняковъ, герцеговинцевъ и натискъ османовъ былъ остановленъ. Такъ въ 1815 году во второй половинѣ іюля, провозглашено было маленькое, независимое сербское княжество съ Милошемъ Обреновичемъ во главѣ.

Какъ Кара-Георгію, такъ и Милошу оказывалъ помощь Александръ I. Сербы тайно получали изъ Россіи порохъ, свинецъ, ружья.

Сербы не остановились на полпути. Династія Обреновичей смѣняется призванными къ власти Кара-Георгиевичами, возвращаются вновь Обреновичи, но Сербія растетъ, ширится, отодвигая все дальше и дальше свои границы.

Король Миланъ, пылкій, страстный, впадавшій порою въ непростительныя ошибки, затѣявшій, по наущенію Австріи, войну съ болгарями, все же сумѣлъ отвоевать у турокъ четыре округа: Нишъ, Пиротъ, Алексинацъ и Вранье.

Полумѣсяцъ, развѣзавшійся долами вѣками надъ Бѣлградомъ, растоптанъ, и надъ крѣпостью гордо затрепеталъ трехцвѣтный сербскій флагъ...

Но это еще не все. Этого еще мало сербамъ, братья которыхъ стонутъ подъ турецкимъ ярмомъ въ Македоніи и Старой Сербіи. Ихъ первопрестольница—Призрѣнь, ихъ Прилѣль—этотъ столичный городъ королевича Марка, ихъ Голгоѳа—Косово, — все это въ мусульманскихъ рукахъ.

Сербы готовятся къ новой войнѣ съ турками.

Потомки сказочнаго Кара-Георгія, король Петръ съ двумя сыновьями своими вновь бросаютъ желѣзную перчатку османамъ. Но какая разница между прошлымъ и настоящимъ! Въмѣсто допотопныхъ ружей—винтовки новѣйшаго образца, вмѣсто деревянныхъ пушекъ—великолѣпныя скорострѣлки, гаубицы и осадныя чудовища отъ Крезо. Въмѣсто кучи гайдуковъ—прекрасно снаряженная четырехсоттысячная армія.

И вотъ въ шесть недѣль очищена вся Македонія, вся Старая Сербія,

ИЗЪ ВОЙНЪ ВЪ АМЕРИКЪ.

Индѣецъ-воинъ на сторожевомъ посту. Рис. П. Кремеръ.

оккупирована Албанія. Сербія вдвое увеличила свою территорію.

Съ пятисотлѣтнимъ турецкимъ кошмаромъ сведены всѣ счеты. До послѣдняго. Оставалось терпѣливо, въ теченіе многихъ лѣтъ готовиться къ новой освободительной войнѣ, чтобъ спасти изъ-подъ клейкихъ и жадныхъ щупальцевъ австрійскаго спрута своихъ братьевъ, томящихся въ швабской неволѣ на Далматинскихъ берегахъ, въ Босніи, Герцеговинѣ, Банатѣ, Славоніи и въ Хорватіи.

Но «лоскутная монархія» въ своей слѣпой ненависти къ сербамъ сама пошла навстрѣчу. Сама вложила въ руки Кара-Георгиевичамъ наслѣдный мечъ Душана Сильнаго, мечъ, которымъ Сербія на пути, чтобъ стать великой, отсекаетъ одно за другимъ щупальцы габсбургскаго спрута.

И, какъ всегда у сербовъ, и эта война—глубоко народная. Въ одинаковомъ напряженіи силъ встрѣти-

ли безтрепетной грудью поллага врага и семидесятидвулѣтній король, и оба королевича, и генералы, и воеводы и вся армія до послѣдняго воина, вся страна до послѣдняго сельяка.

Турецкое изобрѣтеніе.

Въ настоящей войнѣ всѣ державы соперничаютъ другъ съ другомъ въ изысканіи новыхъ, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ уничтоженія врага.

Нѣмцы въ конецъ затрепали Круппа, истерически требуя новыхъ пушекъ и снарядовъ.

Заставили химиковъ работать надъ изготовленіемъ удушливыхъ газовъ, широкою рукою разсыпаютъ рзырвыя пули и проч.

Французы наводятъ ужасъ своими 75 миллиметровыми пушками. Англичане, методично, спокойно

и увѣренно увеличиваютъ размѣръ своихъ орудій, силу своихъ снарядовъ, количество своихъ кораблей.

Турки также рѣшили поискать средство. И нашли... чеснокъ.

По рассказамъ нашихъ пластуновъ почти всѣ убитые и раненые турки буквально окружены чеснокомъ.

Онъ у нихъ въ носу, въ ухахъ, подъ мышками.

На вопросъ о цѣляхъ такого примѣненія плѣнные разъяснили, что чеснокъ дѣйствуетъ, какъ возбу-

ждающее средство. Онъ туманитъ голову и заставляетъ людей забывать окружающее.

Бѣдные, бѣдные, турки...

Голова-то у нихъ, дѣйствительно, затуманена, но не столько, думаемъ, чеснокомъ, сколько нѣмецкимъ духомъ.

Можно надѣяться, что съ окончаніемъ операциі, производимой въ Дарданелахъ, бѣдные турецкія головы быстро очухаются.

Въ мышеловкѣ.

Позиція была для нѣмцевъ очень неблагоприятна: деревушка, занятая французами, на окраинѣ деревушки ферма, а за фермой широкое поле, отгороженное частоколомъ. Часть нѣмцевъ успѣла перебраться черезъ частоколъ, и французскіе стрѣлки бросились преслѣдовать непріятеля, а небольшой германскій отрядъ, отрѣзанный отъ своихъ и окруженный французами, забился въ подвалъ подъ фермой и забаррикадировался тамъ.

Нѣсколько попытокъ проникнуть въ нѣмцы были встрѣчены энергичнымъ отпоромъ, и французы рѣшили взять плѣнниковъ изморомъ. Поставили у подвала часовыхъ и отошли.

Часовые въ теченіе двухъ дней слышали пѣніе, доносившееся изъ подвала.

Потомъ пѣніе стихло. Стихи и голоса нѣмцевъ.

— Что они, перемерли тамъ, что-ли?

Часовой, помоложе, съ любопытствомъ заглянулъ было въ узенькое отверстіе, ведущее въ подвалъ.

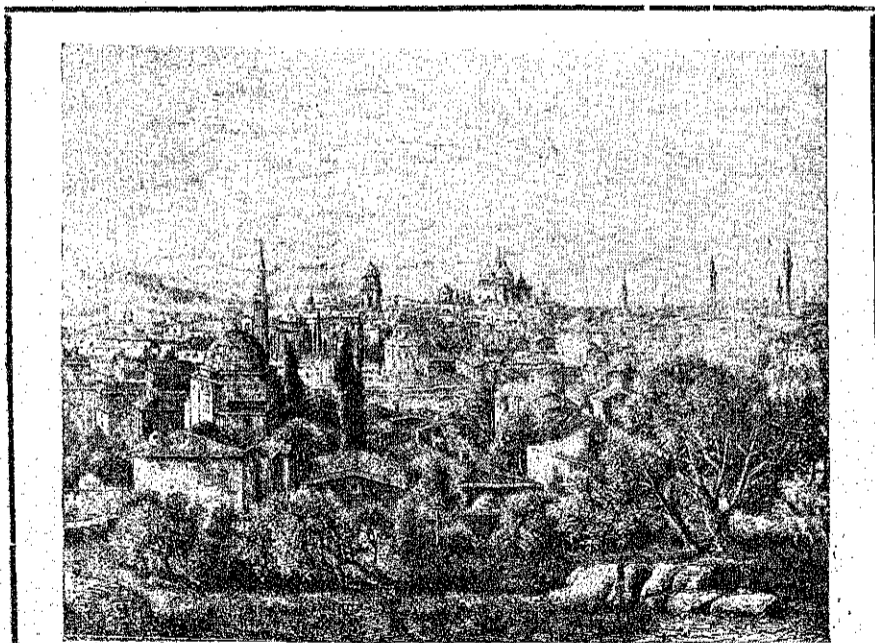
Послышался сухой, короткій звукъ выстрѣла, и пуля просвистѣла надъ ухомъ француза. Онъ отшатнулся, проворчалъ:

— Проклятые боши!

Его товарищъ отозвался спокойно:

— А ты не дѣвь! Придетъ время — возьмемъ ихъ голыми руками...

Прошло еще два дня. Въ подвалѣ, гдѣ было заперто 26 германскихъ солдатъ и одинъ офицеръ, царил тишина.

Общій видъ города Брюссель, куда переѣхалъ изъ Константинополя султанскій дворъ.

Весь провиантъ былъ сложенъ въ уголь и къ нему приставили часового.

Ночью одинъ изъ солдатъ, Карлъ Адлеръ, сдѣлалъ было попытку пробраться къ заветному углу, но фельдфебель замѣтилъ это и жестоко избилъ провинившагося. Адлеръ отличался непомѣрнымъ аппетитомъ и слылъ въ полку подъ прозвищемъ «обжора».

Офицеръ, услышавъ шумъ и возню, приказалъ фельдфебелю разсказать, въ чемъ дѣло, и въ свою очередь нѣсколько разъ ударилъ Адлера по лицу.

Солдаты глухо зароптали.

— Что же это такое? Сидѣть взаперти въ этой мышеловкѣ, ждать смерти и не смѣть взять кусочка сухаря? Развѣ можно бить человѣка за то, что онъ голоденъ?

Офицеръ крикнулъ въ бѣшенствѣ:

— Молчать собаки!

Къ утру лейтенантъ задремалъ; его разбудилъ какой-то шорохъ, слышавшійся возлѣ выхода изъ подвала и сдержанный шопотъ. Онъ разобралъ слова: «Kameraden! Franzosen! Kameraden!».

Освѣтивъ электрическимъ фонаремъ группу столпившихся у выхода солдатъ, лейтенантъ крикнулъ:

— Кто сказалъ «Kameraden»? Кто звалъ французовъ? Отвѣчайте?

Офицеръ крикнулъ въ бѣшенствѣ:

Лейтенантъ понялъ по ихъ лицамъ, что они не выдадутъ виновнаго. Эта «негодья» рѣшили, очевидно, сдать французскимъ часовымъ... Подлые трусы! Конечно, зачинщикъ всего — обжора Адлеръ!

Прошелъ еще одинъ день.

Поздно ночью солдаты окружили Адлера, шепча ему:

— Ты видишь, мы едва держимся на ногахъ отъ голода. У насъ темнѣетъ въ глазахъ и кружится голова. Мы задохнемся здѣсь, въ этой проклятой мышеловкѣ. Надо выбраться изъ нея, а для этого надо убить его... — они кивнули въ сторону спящаго лейтенанта.

— При немъ мы не осмѣлимся выйти... Ты сильнѣе насъ всѣхъ, Адлеръ, и ты ненавидишь его...

Адлеръ молчалъ, тяжело дыша, и, наконецъ, вымолвилъ хриплымъ шопотомъ:

— Я не могу одинъ... Это надо всѣмъ вмѣстѣ... Теперь темно... Въ темнотѣ мы даже не увидимъ, чей штыкъ поразитъ его... Ну, идемте...

Черезъ нѣкоторое время французскіе часовые услышали громкій крикъ:

— Kameraden! Franzosen!

Они подошли ближе къ подвалу.

— Въ немъ дѣло?

Кто-то объяснил им на ломаном французском языке:

— Мы хотим сдаться.. Мы будем выходить по одиночку.. Примите насъ..

Когда всѣ пѣвники вытѣзли изъ мышеловки, французскій сержантъ спросилъ:

— Сколько васъ?

— Двадцать шесть.. Было двадцать семь, — но одинъ, — нашъ офицеръ, умеръ.

Сержантъ спустился въ подвалъ и вытащилъ оттуда трупъ.

— Я думаю, — пробормоталъ онъ, осматривая его, — мудрено не умереть, когда тебя проткнутъ девять разъ штыкомъ.. Впрочемъ, это не мое дѣло.. («П. К.»). РЭ.

Фельдмаршалъ Макензенъ о русскихъ.

Изъ Буэнос-Айреса сообщаютъ, что тамъ будто-бы получено письмо, адресованное генераломъ фонъ-Макензеномъ своему другу, аргентинскому военному министру, бывшему военному атташе въ Берлинѣ. Письмо фонъ-Макензена относится къ періоду битвъ въ Галиціи и въ выдержкахъ опубликовано съ факсимиле генерала въ мѣстной печати.

«Вы помните, мой другъ, — пишетъ фельдмаршалъ, — результаты большихъ императорскихъ двустороннихъ маневровъ въ 1913 году? Помните ли вы, какъ, по вычисленіямъ стараго колдуна, — здѣсь имѣется въ виду фонъ-Базелеръ, — мы дѣлаемъ на западѣ «прыжокъ тигра», душимъ Францію, беремъ Парижъ и бросаемся на русскаго медвѣдя со своими 40 корпусами и гонимъ его за Двину и Днѣпръ?»

Такъ вотъ: мы уложили еще сорокъ корпусовъ, и добились очень малаго. Мы и наши союзники такъ щедро полили кровью эту проклятую Галицію, что она могла бы дать тучный урожай, если бы эти горы и пески рождали хлѣбъ. Наша гвардія совершенно разстроена, наши стрѣлковые части разгромлены, а иныхъ дивизій не существуетъ больше. Русскіе нанесли нашей арміи такія потери, что никакіе успѣхи насъ не вознаграждаютъ. Я былъ сторонникомъ мира съ Россіей, считая, что съ ея помощью можно посчитаться съ торговцами человеческой кровью по ту сторону канала. — Господь да накажетъ ихъ! — и еще теперь продолжаю доносить его величеству, что я иду впередъ, истекая кровью, изъ послѣднихъ силъ, но меня не слушаютъ. Мнѣ дали въ руки даже

Эпизодъ изъ войны 1813 г. Съ карт. профес. Б. П. Виллевалда.

...Восемнадцатаго января 1813 года русскіе перешли Вислу..

Это было тотчасъ послѣ того, какъ жалкіе остатки бѣжавшей изъ сожженной Москвы великой арміи Наполеона возвратились на родину..

Кампанія 1812 года, разбившая въ великомъ французскомъ полководцѣ императоръ столько заманчивыхъ надеждъ, кончилась.

Переходъ русскими войсками Вислы былъ началомъ новой—Саксонской кампаніи 1813 года.

Союзныя Россія и Пруссія противопоставленной подъ ружье, полутрестысячной арміи Наполеона, проявлявшей чудеса храбрости,—Франція вся, какъ одинъ человѣкъ, пыталась возстать противъ побѣды на пелищѣ Москвы и «подъ снѣгомъ холоднымъ Россіи» могущество Наполеона.

Цѣлый годъ, занятый отступленіями и наступленіями обѣихъ армій, большими и малыми сраженіями..

Саксонская кампанія 1813 года хорошо памятна русскому народу, хотя и не ознаменована для него ни блестящимъ побѣдъ, ни трауромъ пораженій.

Это былъ цѣлый годъ, потерянный и для мирнаго преуспѣянія, и для славы нашего оружія, потерянный въ передвиженіяхъ по разоренной, разграбленной, за два послѣдніе года, странѣ, гдѣ вдобавокъ на русскіхъ смотрѣли все еще какъ на дикарей.

Преувеличенные молвой слухи о «сѣверныхъ варварахъ» летѣли, опережая на многіе десятки миль русскія войска.

Разказы бѣглецовъ французской арміи 1812 г. объ ужасныхъ казакахъ и башкирахъ наполняли ужасомъ сердца поселянъ и жителей полуразрушенныхъ городовъ, по которымъ проходили союзныя арміи.

И дѣйствительно, казаки, а въ особенности башкиры, внушали ужасъ своимъ видомъ.

А между тѣмъ не только въ груди этихъ рослыхъ удалцовъ съ молодцовато-закрученными усами, но даже и подъ халатомъ, надѣтымъ на плечи скуластыхъ полудикарей съ бронзовыми лицами, билось доброе, отзывчивое сердце.

На картинѣ нашего художника-баталиста, Б. П. Виллевалде, изображенъ такой моментъ, когда грозные «москвиты» попали на постой въ одинъ изъ почти опустѣвшихъ, покинутыхъ населеніемъ городовъ.

Кругомъ—полуразрушенные дома, обломки стѣнъ, слѣды недавней канонады; и нищета, голодная нищета!

У стѣны уцѣлѣвшаго дома пріютилась мать съ троими дѣтьми,—быть можетъ, вдова одного изъ павшихъ на полѣ сраженія.

Дрогнуло грубое сердце скуластаго башкира, выпустилъ онъ руку въ карманъ—подалъ бѣдной женщинѣ на хлѣбъ ребятишкамъ.

Казакъ тоже—торопливо достаетъ изъ кобуръ свою ленту.

А впереди нихъ, далеко-далеко летѣла молва о звѣрствѣхъ и жестокости этихъ «сѣверныхъ варваровъ»..

не армію, а собранныя части заводобойни, которыя я устанавливаю тамъ, гдѣ нужно, и пускаю въ ходъ машины.

...Хорошо только тѣмъ, — намекаетъ онъ на Гинденбурга, — которые хотятъ играть роль факельщиковъ при похоронной процессіи, и увѣрили бѣднаго императора, будто можно побѣдить рус-

скихъ. Скажите мнѣ, ради Бога, кто ихъ когда-либо побѣдилъ?

Но тѣмъ, кто видитъ напрасныя жертвы людьми и миллиардами, тяжело. Да поможетъ намъ Богъ!»

ЕВРОПА: (Бетманъ-Гольвегу): «Нѣтъ милелькій, этой вѣткой отъ меня не отмахнешся!»

	„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“		
Невскій, 83. Петроградъ.	По крайне удешевленнымъ цѣнамъ.		